

Василий Завадский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НОЧЬЮ ПОЧТЫ НЕТ

Василий Сергеевич Завадский

Ночью почты нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68299573

SelfPub; 2023

Аннотация

Говорят, что каждый дом – это кладёзь историй и, поверьте, эти вы слышать не захотите. Не стоит ворошить прошлое подобных мест и тогда, возможно, вам не начнёт приходить почта с того света, принося с собой безумие и смерть. Если старые дома видят сны, то этому снятся кошмары. Содержит нецензурную брань.

Василий Завадский

Ночью почты нет

Когда последние пожухлые листья, так упрямо цепляющиеся за промёрзшие ветви заиндедевевших тополей, опадают, а старый сквер погружается в очередную летаргию, угрюмый четырёхквартирный домишко на его окраине становится ещё более сонным и неприветливым. Рыже-коричневый фасад, выложенный из красного кирпича, наливается багрянцем в лучах ноябрьского закатного солнца. Водостоки забиваются палой листвой, выдавая виды, местами отвалившаяся, по всей видимости глиняная черепица на остроконечной крыше мансарды промокает от бесконечных ноябрьских дождей и принимает бурый, почти чёрный, окрас. В круглом, с разбитым стеклом, окне мансарды часто можно заметить одного из многочисленных бездомных котов, ютящихся на чердаке. Такого же, как и этот дом: угрюмого, неприветливого, мирно дремлющего под убаюкивающий скрип ржавого флюгера на остроконечной крыше здания.

На смену проливным дождям приходят первые колючие заморозки. Неделя-другая, и с тяжёлого неба рухнут затяжные снегопады, заботливо укутывая старый дом в ледяной плед. Зима вступает в свои права, а это значит, что Костю Лазарева – недавнего примерного семьянина, а нынче – понурого холостяка, переводят на ночные смены на мест-

ной деревообрабатывающей фабрике. Нельзя сказать, что это расстраивает Костю, правда радоваться он тоже не спешит. Оставшись после развода со скромным скарбом и стареньким, на ладан дышащим автомобилем, Костя вынужден ютиться в одной из затхлых квартир того самого неприветливого дома на окраине сквера.

Когда-то в однокомнатной квартирке на втором этаже жила, ныне покойная, мама Кости. Несчастливая нашла свой покой на кафельном полу кухни и была частично сожрана своей собакой. Тело одинокой пенсионерки обнаружили спустя несколько недель после её кончины. Во многом благодаря «лисьему» обонянию бдительной соседки с первого этажа. Та обратилась в соответствующие органы, когда смрад гниющего тела начал пробираться через замочную скважину и щели в разошедшейся входной двери в квартиру равнодушной старухи, а собачий лай за запертой дверью квартиры номер три не стихал даже по ночам.

Наступила зима, и Косте предстояло пережить, как работники фабрики называли между собой этот период, «Месяц ночи» – четыре недели работы с восьми вечера до восьми утра. Четыре недели покидать дом после заката, возвращаясь с восходом солнца, теряя счёт времени в бесконечности серых зимних дней.

В такое время года «четырёхквартирный гроб», как его называли дворники, ухаживающие за сквером, выглядел таким одиноким и безжизненным, что, казалось, в скрипе

флюгера на крыше можно было услышать еле различимый детский плач.

Костя денно отсыпался после очередной ночной смены в квартире своей покойной матери. Соседка снизу – пожилая и, как думалось Косте, ёбнутая на всю голову тётя Маша, несла свою вахту у входной двери в свою квартиру. Побитый катарактой глаз старухи вглядывался в дверной глазок при первом же скрипе двери в парадный, которую декабрьский ветер тщетно пытался сорвать с петель.

Две другие квартиры пустовали. Однушка напротив квартиры тёти Маши безуспешно сдавалась вот уже несколько лет. Правда, желающих проживать в подобном памятнике архитектуры было не много. Дверь в квартиру, что слева на втором этаже, и вовсе была заколочена и никто, включая безумную Марию Леонидовну, уже не помнил имён её прежних владельцев.

И вот, скованный декабрьскими морозами, в одиночестве и безмолвии, неприветливый дом на окраине сквера переваривал в своём чреве немногочисленных жильцов и коротал короткие зимние дни. Коротал в обществе сумасшедшей старухи, периодически беседующей с портретом мужа на стене, разведённого работяги и дюжины кошек, ютящихся на чердаке. Это было безрадостное место. Казалось, сюда приходили умирать. Когда Костя отправлялся на очередную ночную смену, дом почти окончательно сиротел, оставаясь наедине с обезумевшей пенсионеркой, почему-то не гасящей свет в

окне до самого рассвета.

Стояла глубокая декабрьская ночь. Костя, щурясь от снегопада и пряча шею за воротником драпового пальто, возвращался домой, отпросившись с работы пораньше. Жар вкупе с головной болью бросал в озноб, а суставы скрипели как у дряхлой марионетки. Одежда липла к пылающей плоти. Прикосновение его фланелевой рубашки было сродни пламени спички, поднесённой к свежему ожогу.

Костя чувствовал себя отбивной. Несмотря на простуду, а может быть и грипп, его мысли были целиком и полностью заняты разводом, а именно бумагами на него, которые должны были прийти со дня на день.

Миновав заснеженный парк, утопая в снегу на непробитых тротуарных дорожках, и обогнув круглую, некогда бывшую фонтаном клумбу, Костя поднялся на крыльцо спящего, как ему тогда казалось, дома. Стряхнув снег с пальто и со скрипом отворив рассохшуюся дверь, мужчина ввалился в затхлый подъезд. Люминесцентная лампа подмигнула тусклым светом в знак приветствия. Проходя мимо почтовых ящиков, Костя машинально, в ожидании документов на развод, приоткрыл дверцу своего. Тот был пуст. Проклиная своё состояние, бывшую жену, Белпочту, а может всё сразу, мужчина с лязгом захлопнул дверцу. Почтовый ящик вновь

распахнулся из-за слишком сильного удара.

– Ночью почты нет, – прохрипел осипший, почти детский голос.

От испуга, Костя рефлекторно вновь хлопнул дверцей с ещё большей силой. Теперь этот звук напоминал ружейный выстрел. Эхо застыло под высоким потолком парадного, а воздух словно загустел. Костя чувствовал, как его сердце бьётся где-то в глотке. Резко обернувшись, он увидел свою соседку снизу – Марию Леонидовну, выглядывавшую из-за приоткрытой двери своей квартиры.

– Ночью почты нет, мой мальчик, – вновь просипела старуха, – а если бы и была, то всё равно, не стоило бы её забирать.

Тётя Маша вышла в подъезд, прикрыв за собой дверь в квартиру. Одетая в одну лишь ночную сорочку, явно её современницу, она щурила слеповатые глаза, пристально глядясь в полумрак парадного. Сердце Кости отбивало нечётный ритм, от чего темнело в глазах и сбивалось дыхание.

– И вам доброй ночи, тётя Маша, – почти пролаял Костя, жадно глотая воздух после каждого сказанного слова.

Сердце всё так же рвалось наружу через горло, но пришло понимание ситуации. К Косте вернулось самообладание, и на мгновение ему показалось, что уголки губ его соседки слегка приподнялись вверх. Всего на секунду ему почудилось, что безумная старуха лукаво улыбнулась, словно была рада

предынфарктному состоянию своего соседа. Не имея ни малейшего желания вступать в полуночную светскую беседу с не самым приятным человеком на планете, Костя просеменил мимо квартиры тёти Маши и начал подниматься на второй этаж, игнорируя бессвязные речи своей соседки, но чувствуя при этом пристальный, буравящий взгляд в спину.

– ...не ищи ночью письма, – вторила старуха. – Не ищи, не бери, не то сдохнешь, как твоя мамаша.

– Доброй ночи, тётя Маша. Не забудьте принять лекарства, – не оборачиваясь и ища ключи в кармане пальто, произнёс Костя.

– Ночью почты нет! – сорвалась на визг старуха и, вернувшись в свою квартиру, захлопнула дверь.

Мужчина вернулся в холодную квартиру. Небрежно сбросил пальто, кое-как стянул ботинки и без сил упал на кровать. А затем, ещё несколько часов, ворочаясь в мокрой от пота постели, Костя слышал сквозь зыбкую дрему монотонные завывания старухи из квартиры под ним. Иногда они сменялись всхлипываниями, временами прерывались лихорадочным хохотом, а ближе к рассвету, когда небо на востоке начало сереть и на небосводе осталась лишь одна яркая звезда, Костя мог поклясться, что слышал на чердаке звук печатной машинки, сопровождающийся сдавленным детским плачем. Он был уверен, что отчётливо слышал скрип почтового ящика на первом этаже, и уж тем более ни на секунду не усомнился в своём рассудке, когда его выбросил из чуткого

сна скрип поворачивающейся ручки входной двери, за которой последовал металлический скрежет в замочной скважине. Кто-то подбирал ключ к его квартире.

Утро началось не с кофе. Что такое зима по-белорусски? Это батон, запиваемый «Терафлю».

Проснувшись от звуков возни в замке своей квартиры, Костя, разумеется, позвонил в милицию, где сонный голос диспетчера объявил ему, что беспокоится не о чем и, на всякий случай, участковый зайдёт побеседовать с соседями.

Попустительство? Возможно, но с другой стороны, а что Костя видел? Никаких свидетелей, кроме него самого? Объективно, Костя не тянул на достоверный источник, а милиция в этом городе работала по принципу «не пойман – не вор».

Не услышав ничего адекватного от ментов, Костя решил проверить почту. Минуту спустя он уже стоял у двери тётки Маши, держа в руках разорванный конверт, сложенный из пищевой бумаги, и ритмично стуча в ветхую дверь.

– Если это шутка, то неудачная, – с неприкрытым гневом сказал Костя, когда дверь отворилась, всё ещё оставаясь застёгнутой на цепочку, и на пороге появилась его соседка, облачённая во всё ту же ночную сорочку.

– Ты плохо спал, мой мальчик? Вид у тебя болезненный, –

не обращая внимания на слова своего соседа, проскрипела старуха. Она бросила на молодого человека оценивающий взгляд, который остановился на пожелтевшем рукотворном конверте. Выцветшие глаза женщины наполнились слезами. В голосе читалась тревога.

– Что это? – просипела она. – Где ты это взял, мой мальчик?

– Вообще-то, это мой вопрос, – парировал Костя. Он достал из пожелтевшего конверта такой же пожелтевший лист и протянул его старухе. Та, словно чёрт от ладана, отпрянула на полшага назад, попытавшись захлопнуть дверь перед незванным гостем. Костя успел просунуть нос ботинка между дверью и проёмом. Старуха перекрестилась. На старом листе бумаги маркими чернилами было напечатано всего два слова. Два совершенно обычных, но почему-то таких тревожных слова.

– Я дома... – судорожно сглатывая слюну, прочла тётя Маша. – Я дома...

Лицо старухи посерело. Она сделала глубокий вдох, словно собирала в старый дряблый кулак остаток мужества, и назидательным, слегка дрожащим голосом, продолжила:

– Вот что я тебе скажу, мальчик мой: бери свои нехитрые пожитки, запирай дверь на замок, садись в свою развалюху и поезжай к жене. Проще говоря – уёбывай, пока есть возможность, и забудь про это место. Забудь, что ты здесь жил, что твоя мать...

– Я развожусь, – перебил её Костя, – и, как я думаю вам известно, я здесь именно по этой причине. Лера, моя формальная жена, пришлёт мне документы на развод именно на этот адрес, поэтому...

– Твоя жена раньше станет вдовой, чем ты поставишь свою закорючку в документах! – прервала его старуха, а её тон приобрёл угрожающий оттенок. – Садись в машину и уматывай, мой мальчик. Поезжай к жене, падай на колени, клянись в верности или что там у вас? Делай что хочешь, только подальше от этого дома.

– Но вы можете... – начал было Костя.

– Бери ноги в руки, пока они у тебя ещё есть, и проваливай, не то сдохнешь, так же как и твоя мать!

Дверь захлопнулась, щёлкнул замок. Костя в очередной раз постучал в квартиру своей соседки и, не получив ответа, поднялся к себе с ещё большим количеством вопросов.

Находясь на больничном, чувствуя себя всё так же отвратительно, Костя читал книгу, допивая очередную кружку национального лекарства – кипячёного пива с мёдом. Был четвёртый час утра. Бессонница мучила его уже несколько ночей. Сон приходил с рассветом и был короток и тревожен, как у алкоголика. А может, таким необычным образом работал его инстинкт самосохранения? Может, какая-то часть его

сознания просто отказывалась спать? Может, она боялась?

Из мира печатного слова Костю вырвал звук распахнувшейся форточки, с грохотом ударившейся об откос. Буквально подпрыгнув от неожиданности, Костя, переведя дух, подошёл к окну, выходящему на граничащий со сквером двор. На улице завывала метель. Совершенно типичная погода для этой поры года в этих краях.

Внимание молодого человека привлекла фигура незнакомца, которую Костя вначале принял за тень, отбрасываемую одним из деревьев в свете фонарного столба. Тень двигалась. Сомнений не осталось – это был человек. Фигура двигалась по нерасчищенной тополиной аллее, утопая по колено в снегу, и, как показалось Косте, что-то за собой волокла. Приняв незнакомца за бездомного, Костя захлопнул форточку. Звук дрожащего стекла в старой деревянной раме звоном разнёсся в тишине ночного сквера, нарушаемой лишь завываниями ветра. Фигура остановилась. Незнакомец стоял под жёлтым светом фонаря и явно смотрел на Костю, чей силуэт виднелся между штор в окне второго этажа. Только сейчас, скованный страхом, молодой человек смог разглядеть ночного гостя. Незнакомец был около двух метров ростом и был одет в некое подобие камзола. Голову венчал нелепый ночной колпак. Костя не мог разглядеть лица. Вся та область, где очевидно оно должно было находиться, отливала в свете фонаря сырой нефтью, словно лицо было замотано чёрным влажным полиэтиленом. Фигура, явно прила-

гая не малые усилия, сделала шаг вперёд. На смену Костиному любопытству пришла паника. Теперь он мог различить, что именно волок по снегу ночной гость. Фонарь осветил тяжёлую ношу за спиной человека.

Незнакомец тянул за собой гроб.

Задёрнув шторы, Костя бросился к входной двери, запер дверь на ключ и защёлку-цепочку. Спотыкаясь, хватаясь за мебель, добрался до выключателя и погасил свет. Осторожно, шагая на цыпочках, он подошёл к окну. Тяжело дыша, Костя всматривался в ночной пейзаж сквера через небольшой зазор между штор. Двор был пуст. Фонарь по-прежнему горел, а следы предполагаемого незнакомца, должно быть, уже успело замести снегом, так как на том месте, где ещё минуту назад стояла пугающая фигура, виднелись снежные наносы. «*Мне определённо необходим здоровый сон...*» – успел подумать Костя.

Раздался телефонный звонок. Засветившийся дисплей смартфона, лежавшего на полке у зеркала, зловеще подсветил Костино отражение. Звонила Лера.

«*Вовремя, твою мать*», – подумал Костя и, поставив телефон на беззвучный режим, положил его в карман.

С грохотом закрылась дверь в парадном. Костю словно парализовало. Язык прирос к нёбу, а сердце вновь гулко застучало в горле. Во рту появился привкус меди. Взяв себя в руки, Костя тенью скользнул к входной двери, припал к глазку. Кровь била в ушах. С досадой для себя он отметил, что

в доме нет никакого оружия, кроме ножа для масла. Ножа, которым нельзя было разрезать помидор, не раздавив его.

«Возможно, стоит вновь позвонить в милицию?»

Кто-то, тяжело ступая, поднимался по деревянной лестнице.

Тяжёлые шаги гулким эхом отдавались в полумраке затхлого парадного. Поступь сопровождалась звуком, природу которого Костя не сразу понял. Сухой скрежет прерывали гулкие короткие удары о деревянную лестницу. Будто кто-то с силой бил обухом топора о дубовую колоду, в попытке расколоть расклиненное на лезвии полено. Шаги и удары разбавлялись нечастым металлическим лязгом. Костя словно прирос к дверному глазу, вглядываясь в полумрак лестничной площадки с такими усилиями, что кожа на правой скуле саднила, а глаз слезился. Терпение было вознаграждено, и в тусклом свете одинокой лампы Костя увидел поднимающийся силуэт того самого ночного гостя. Мужчина подавил рвущийся из него крик, зажав рот трясущейся рукой. Теперь он воочию увидел источник звуков, которыми сопровождалась шаги. Незнакомец тянул по лестнице гроб.

Лица незваного гостя по-прежнему нельзя было разобрать, но теперь Костя мог лучше разглядеть незнакомца. Выцветший, некогда чёрный камзол скрывал массивное, крепко сбитое тело. Пара тяжёлых ботинок, грязный ночной колпак, из-под которого торчали непослушные пряди длинных рыжих волос. Грязные хирургические перчатки плотно

сидели на огромных кистях. Образ дополнял погребальный элемент, обвязанный цепями.

Осилив последнюю ступеньку и с грохотом опустив изголовье гроба на деревянный пол, фигура остановилась. Воздух звенел. На несколько секунд воцарилась, как бы каламбурно это не звучало, гробовая тишина. Костя понимал, что слишком громко дышит. Ноги подкашивались, ныло под коленными суставами. Всё тело било в треморе, как в момент тяжелейшего похмелья. Внезапно человек за дверью, не выпуская из руки цепь-поводок, рывком прильнул к глазку с обратной стороны. Вскрикнув, Костя отскочил от двери. Ватные ноги подвели, и, секунду спустя, он обнаружил себя валяющимся на полу, неуклюже пытаюсь подняться, словно упавший на спину жук. Раздался негромкий сиплый хохот. Издав жалобный писк, медленно повернулась дверная ручка, после чего дверь рывком потянули на себя. Костя, с прытью безумца, чуть ли не ползком, падая и спотыкаясь, ринулся к двери. Схватившись за дверную ручку, он буквально повис на ней всем телом, упираясь плечом в дверную коробку что было сил.

– Ты дрожишь, – прозвучало точно сформулированное утверждение по ту сторону двери.

Костя, уже не скрывая своего присутствия, потянул и кряхтя, с удвоенной силой втянул дверь на себя.

– Тебе страшно? – уже с издёвкой продолжил незнакомец. Костя понял по голосу, как то, что стоит за дверью, улыбну-

лось. Страх усиливал свою хватку.

– Кто ты? – чуть ли не шёпотом произнёс Костя и сорвался на крик. – Что тебе нужно?

Последовала продолжительная пауза.

– Я? – переспросил незнакомец. – Я твой сосед снизу. С самого низа...

В ту же секунду поняв, что хозяина квартиры подобный ответ не устроит, продолжил:

– Я почтальон. Да-да, самый настоящий почтальон и у меня для тебя посылка, – в голосе послышался смешок. – Если позволишь, мясная бандероль! – перешёл на крик незнакомец.

Громкий возглас сменился гортанным хохотом. Пальцы Кости словно приросли к дверной ручке. Повиснув на ней всем телом, он попытался подняться, но атрофированные, лишённые сил ноги отказывались подчиняться. Самым разумным решением было бы вызвать милицию, на худой конец – припугнуть незваного гостя огнестрельным оружием, прибегнув к старому доброму блефу. Но разум Кости впал в анабиоз. Единственное, на что был способен испуганный мужчина – вцепиться посиневшими пальцами в дверную ручку и немо молить Всевышнего о том, чтобы всё это оказалось ночным кошмаром.

– Уважь труд старика, мой мальчик, – продолжил ночной гость. – Я прибыл издалека. Твоя малышка так хотела к своему папочке, – незнакомец звякнул зажатой в руке це-

пью. – Надеюсь, я доставил её в сохранности. Видишь ли, гроб несколько великоват для юной барышни. Будем надеяться, я не растряс содержимое.

И в этот момент нервная система Кости обрушилась. Издав нечеловеческий крик, он начал спиной отползать от двери, собирая под собой ковёр. Мысли спотыкались друг о друга.

– Всё, гондон! Я звоню ментам! – прокричал Костя, нащупывая мобильник в кармане.

Раздался оглушительный удар в дверь. Дверные петли скрипнули, посыпалась штукатурка над наличником. С лестничной клетки послышался гомерический хохот. Удар повторился с новой силой. Незнакомец использовал гроб как таран.

Грохот прекратился так же внезапно, как и начался. Костя, прилагая немало усилий, поднялся на ноги. Колени дрожали, и каждый шаг давался с невероятным трудом. Игнорируя всякий здравый смысл, он вновь направлялся к дверному глазку. Телефон в его кармане издал жалобный сигнал, похожий на ехидный смешок. Садилась батарея.

– Ты всё ещё там, мой мальчик? – прозвучал заискивающий низкий голос. Незнакомец по-прежнему был за дверью. – Не хочешь меня впускать? Тогда взгляни хотя бы в глаза... Их так много в этом доме. Десятки глаз, таких юных, таких невинных. Они так долго живут в этих стенах. Такие чистые, такие печальные. Они ничего не могут сказать, они

немы, и им остаётся только с тоской и грустью наблюдать. Взгляни в этот сонм печальных глаз!

Удар в дверь вновь повторился с нечеловеческой силой. Огромный кусок штукатурки отвалился у стены над дверным проёмом, и из-под неё на Костю пристально смотрели десятки пар плачущих карих глаз.

– Кто ты, блядь, такой?! – в истерике прокричал Костя, тщетно пытаясь сбросить очередной входящий вызов от бывшей жены.

После долгой паузы во внезапно повисшей мёртвой тишине, нарушаемой лишь тяжёлым, прерывистым дыханием испуганного мужчины, незнакомец просипел:

– Я – никто и кто угодно.

Костя пришёл в себя на полу собственной прихожей. Кто-то настойчиво барабанил в дверь. Сердце мужчины вновь наполнилось тревогой, а первобытный страх сковал по рукам и ногам. Было раннее утро. Первые лучи солнца лениво прокрадывались в квартиру через пыльные окна. Стук не прекращался.

– Костик, мой мальчик, с тобой всё в порядке? – послышалось из-за двери. Голос принадлежал тёте Маше.

К Косте понемногу возвращалась ясность ума. Взгляд упал на входную дверь. Нет, это был не кошмар. Куски шту-

катурки валялись у порога, над дверным проёмом виднелась обрешётка стены. Глаз не было.

Заставив себя подняться, Костя проковылял к входной двери и, предварительно взглянув в дверной глазок, боясь увидеть в нём всё того же ужасного незнакомца, открыл дверь.

На пороге стояла взволнованная соседка снизу. Поверх античной сорочки был наброшен такой же древний фиолетовый халат.

– Тебе письмо, мой мальчик, – с порога начала она.

«*Мой мальчик*, – подумал Костя. – *От кого я мог слышать эту фразу?*» Ответ родился в сознании в ту же секунду. Мужчина сделал шаг назад, не сводя глаз с желтоватого конверта в руках старухи.

– Могу я войти? – спросила пенсионерка.

Поняв, что получит отказ от хозяина квартиры, лишь тот приоткрыл рот, продолжила:

– Я знаю, что случилось ночью.

Они сидели за кухонным столом. Костя и Мария Леонидовна. Был уже полдень. Кофе не лез в глотку, и Костя отдавал предпочтение бутылке бренди, так любезно предоставленной его пожилой соседкой. Не утруждая себя культурой употребления спиртного, Костя пил прямо из горлыш-

ка. Мужчина сделал очередной глоток. Дно бутылки стало-
вилось всё отчётливей.

– Я не верю в полтергейстов, призраков и прочую херню, –
с уже слегка заплетающимся языком говорил Костя.

– Эта, как ты выразился, «прочая херня» состоит из плоти
и крови, – парировала тётя Маша. – Ну, или когда-то состо-
яла. Прокоптив небо с моё и не в такое поверишь.

На столе лежало скомканное Костей письмо. На сей раз от
реально существующего человека – его почти бывшей жены.
В нём говорилось, что их восьмилетняя дочь, тяжело болея с
рождения, на днях прекратила свою борьбу за жизнь. Костя
был разбит.

– Это ли не повод свалить отсюда, мой мальчик? – спроси-
ла Мария Леонидовна. Старуха была непреклонна в вопросе
отъезда Кости и всеми силами пыталась убедить молодого
мужчину как можно скорее покинуть этот дом.

– Позвольте, тётя Маша, я резюмирую. Вы, как мне видит-
ся, будучи окончательно выжившей из ума, ёбнутой, если хо-
тите, утверждаете, что по ночам в двери жильцов этого дома,
которые имели неосторожность проверить ночью почту, ло-
мится ваш покойный муж с гробом на плече. Верно? – жен-
щина попыталась возразить, но запал подвыпившего мужчи-
ны было уже не сдержать. – Затем, получив отказ в просьбе
открыть дверь, он не находит лучшего решения проблемы,
как вынести её всё тем же гробом. А дальше что? Засовы-
вает меня в гроб, как всем известный персонаж сказок засо-

вывал непослушных детей в короб, и уносит с собой, чтобы сожрать? Таков финал?

Тётя Маша в отчаянии опустила голову, тяжело уронив руки на колени:

– Он не всегда был таким. Я была уверена, что этот выродок сдох. Я своими руками надела на его голову мусорный пакет. Он даже не успел понять, что происходит. Воздух слишком быстро закончился. Я держала его до самой последней вспышки агонии. Клянусь, я видела, как он обмочился. Чувства шока и какого-то нездорового облегчения были слишком сильны. Я словно скинула с плеч невероятно тяжёлую ношу и просто оставила его тело гнить на чердаке, не забыв запереть дверь на тяжёлый навесной замок. Ключ смыла в унитаз. А затем...

– А затем, – перебил Костя, – маньяк чудесным образом воскрес и начал, простите, продолжил кошмарить местных и после смерти. Охуительная история!

Хозяин квартиры хохотнул и сделал очередной солидный глоток бренди, поставил незакрытую бутылку на стол, закурил.

– Долбоёб! – не в силах сдерживать эмоции, крикнула на него пожилая соседка. – Когда мимолётная эйфория прошла, и пришло осознание того, что я натворила, моё облегчение сменилось паникой. Я была убийцей! В страхе быть пойманной и наказанной, я решила избавиться от тела и на утро следующего дня поднялась на чердак. Долго провозилась с

замком, но всё-таки спилила. Труп там не было. Там ничего и никого не было, понимаешь? Не было даже мусорного пакета, который я надела на голову этого монстра! А что мне оставалось делать?! – у старухи начиналась истерика. – Костик, мой мальчик, он убивал людей! Детей! Мой муж был безумен. Он снял скальп с наших дочерей, а тела привязал к трубам отопления в подвале, как будто мои девочки могли куда-то сбежать. Он сказал, что крысы больше любят вареное мясо. Быстрее съедят тёплые туши.

– А в нашу доблестную обратиться не судьба? – ехидничал Костя.

Вопрос остался без ответа. Всклипывания старухи переходили в рыдания:

– Запах из подвала быстро распространялся по дому. Вскоре соседи начали задавать неудобные вопросы: почему наши девочки давно не выходят гулять в сквер, почему подвал, с вечно настежь распахнутой дверью, уже которую неделю заперт на амбарный замок? Тогда мой муж переключился и на них. Двух семей не стало за одну ночь. По возрасту они нам в родители годились. Никто не хватится стариков. В этом мой муж был уверен. Твою мамашу, кстати, от его загребущих лап спасли только её больные ноги. Она почти не выходила на улицу. Нелюдимой была. Продукты ей, по возможности, приносила я. Сына то у неё не было! – укоризненный взгляд тёти Маши пробуравил Костю.

– Тел было слишком много, и крысы уже не справлялись, –

продолжила пенсионерка. – От трупов нужно было как-то избавляться, и этот монстр, мой муж, начал их варить. С потрохами и волосами, ногтями... Он беспорядочно разделявал тела, как угодно, лишь бы они поместились в кастрюли. Нужно было поскорее отделить мясо от костей. Что-то мы ели, но основную массу этого варева я смывала в канализацию. Но об одной из пропавших семей спохватились. Нашлась какая-то племянница. Мой муж сказал, что позаботится о ней. Он напечатал несколько писем с угрозами и разложил их по запертым почтовым ящикам уже покойных семей. Не забыл и в наш подбросить. Он надеялся пустить ментов по ложному следу, если дело примет скверный оборот. Но племянница ничего не успела... Тогда-то я и поняла, что этот ублюдок просто не может остановиться. Он и раньше «пропадал» по ночам, но однажды, вернувшись домой в нелепом ночном колпаке, он ехидно спросил: «*Отгадай, сахарная, что у Нас под колпачком?*». Под резинкой колпака проступала кровь. Лукаво улыбаясь, он медленно приподнял его. В тот момент я потеряла сознание. Под колпаком был имитированный парик из нескольких свежих скальпов.

Костя слушал всё это вполуха, глядя в пол перед собой. Тётя Маша понемногу успокаивалась. Рыдания сменили редкие всхлипы.

– Уезжай отсюда, мой мальчик, – уже спокойным, умиротворённым голосом произнесла старуха. – Я сказала всё, что знаю. Как к этому относиться – решать только тебе. Детская

страшная сказка из уст пожилой маразматички, вот как это звучит.

Женщина тяжело встала из-за стола и вышла из кухни.

– Уезжай, – бросила она с порога, не оглядываясь. – Я не знаю, жива ли эта тварь, или этот дом не отпускает покойников. Верь во что хочешь, но тебе ещё есть что терять. Всегда есть, что терять. По крайней мере, пока ты дышишь.

Щёлкнула дверная собачка, последовали шаркающие, осторожные шаги. Костя сделал большой глоток, вновь закурил. После бутылки бренди сон намеревался взять своё. Мужчина взглянул в окно. Сгущались ранние зимние сумерки.

Оставив в стороне рациональное мышление, Костя на секунду допустил реальность происходящего: *«Почему этот тип с гробом не убил свою жену?»*; *«Каким образом слова в письме относятся непосредственно к нему?»*; *«Для чего тягать за собой гроб?»*. Эти и многие другие вопросы роились в его голове, но, позволяя мыслям оставаться всего лишь мыслями, Костя второпях зашнуровывал ботинки. До закрытия магазина оставалось меньше часа, а последствия дневного сорокаградусного «причастия» давали о себе знать. Костю мучило ужасное похмелье, совсем несвойственное для этого времени суток. Близились полночь.

Мужчина поднял воротник пальто, проверил бумажник во внутреннем кармане, надел перчатки, взял ключи и уже собирался покинуть квартиру, как его внимание привлёк непонятный звук, доносившийся из его спальни. Костя, не разуваясь, проследовал в комнату. Звук доносился из-за окна, выходящего во двор. Будто голубь чистил клюв о металлический подоконник. Не включая свет, Костя подошёл к окну, отдёрнул штору. Источник звука он так и не обнаружил, да и это уже не имело никакого значения. Напротив окна, под лёгким снегопадом, в тёплом свете одинокого фонаря, стояла фигура с гробом. Существо, кем бы оно ни было, медленно махало Косте согнутой в локте рукой.

Костя в панике побежал на кухню. На сей раз, он был намерен действовать решительно. Рывком выдвинув ящик стола, он хаотично расшвыривал по сторонам столовые приборы в поисках единственного холодного оружия в этом доме: ножа для масла. Какую пользу он мог сослужить в сложившейся ситуации, было известно только самому Косте. На этот раз Костя будет готов. Он вызовет милицию, как только закончит с поисками оружия.

– Почему ты мне не пишешь, папа? – раздался за спиной тонкий, такой родной голос.

Подпрыгнув от испуга, Костя резко обернулся. Он едва удержался на ногах, чудом успев схватиться за подоконник. На круглом кухонном столе, на котором ещё минуту назад покоились пустая бутылка бренди, пепельница и солонка,

стоял маленький, словно игрушечный, детский белый гробик. В гробу, одетая в такое знакомое бело-голубое платье, сидела покойная дочь Кости. Лысая от химиотерапий, беззубая, она смотрела на него широко раскрытыми стеклянными карими глазами. Кожа девочки была обварена, а квартиру наполнил запах ладана и вареного мяса. Такой, какой бывает при варке холодца. Воздуха не хватало, Костя чувствовал, что теряет сознание.

В чувство его привёл уже знакомый глухой удар в дверь квартиры. Костя прекрасно знал, кого он увидит в дверном глазке. На сей раз, ночной гость был менее тактичен и, опустив всякие формальности, начал выламывать дверь, умело орудуя гробом, словно тараном. Девочка всё так же сидела в гробу. Пунцовые губы ребёнка растянулись в отвратительной ухмылке, обнажив чёрные дёсны. Под леденящий хохот продолжались удары в дверь. Пути к отступлению не было. Костя, дрожащими от страха и абстиненции руками, пытался открыть шпингалеты на оконных рамах.

– Ты бросишь меня так же, как бросил маму? – всё тем же родным голосом спросило сидящее в гробу существо.

Старые окна не поддавались. Схватив стоящий на подоконнике горшок с геранью, Костя разбил стекло. В глазах темнело, воздух заканчивался. Мужчине казалось, что его словно душат мокрым тёплым одеялом. Костя, держась за батарею, сполз на пол. Сквозь пелену в глазах он видел ускользающую от него зыбкую реальность. Реальность, в ко-

торой со всех стен кухни на него смотрели печальные, лишённые век, карие глаза.

Тело Кости Лазарева, вернее гроб, в котором оно было заперто, обнаружила тётя Маша. Именно она и вызвала милицию в первом часу ночи, после того как бесконечный грохот на втором этаже, по её словам, так мешающий душевному покою пожилого человека, сменился звоном разбитого стекла и мужскими воплями.

Тело Кости было заперто в крепком, обвитом цепью гробу, который обнаружили на кухонном полу посреди осколков стекла, сорванных стенных шкафов и пустых бутылок. Милиция откатала каждый квадратный сантиметр квартиры. Как ни странно, но повсюду, даже на цепи, обвивающей гроб, были лишь отпечатки пальцев самого Кости. Люминол тоже не оправдал ожиданий. Пытаясь получить от покойной соседки характеристику покойного, сотрудники милиции пришли к выводу, что одинокий мужчина, чьё тело в полиэтиленовом мешке увезли в морг несколько часов назад, был в целом спокойным, одиноким и нелюдимым алкоголиком. На вопрос о семейном положении покойного, Мария Леонидовна лишь разводила руками и твердила о страшном горе, постигшем семью Лазаревых. Говорила о смерти дочери, о разводе и о прочих вещах, о которых любят толковать

злые языки, разнося сплетни по всему городу.

Официальной причиной смерти молодого мужчины стал коронарный разрыв. Как выяснилось после вскрытия: сердце не выдержало сильного испуга. *«Делирий, не иначе»*, – скажет позже пожилая соседка Кости с первого этажа.

Со временем, пройдя все круги юридического ада, квартира номер три, в неприветливом доме на окраине сквера, станет социальным жильём. Желающих снять квартиру в этом доме, да ещё и после случившегося, будет немного. Люди по-прежнему будут приходить, удивляться низкой цене, но, не заключая арендный договор, покидать угрюмый дом. Свет в квартире на первом этаже всё также не будет гаснуть до рассвета, ржавый флюгер по-прежнему будет убаюкивать своим скрипом бездомных кошек на чердаке с остроконечной крышей, а тётя Маша, на всякий случай, повесит на почтовые ящики, для забывчивых потенциальных арендаторов, напоминающие шильды с надписью: *«Ночью почты нет»*.